

По нашему мнению стратегией переименования с присвоением имени, с целью увековечивания памяти своего основателя – *В. Л. Кирпичова*, мог бы воспользоваться и НТУ «ХПИ». Эта задача не терпит отлагательства, так как на это имя может претендовать и НТУУ КПИ, по отношению к которому В. Л. Кирпичов сыграл аналогичную роль. Однако это произошло значительно позднее и имело существенно меньшую продолжительность, в связи, с чем ХПИ имеет безусловное преимущество в данном вопросе, которое, однако, может быть утеряно в соперничестве со столичным ВУЗом, находящимся и в прямом и в переносном смысле, ближе к власти преобладающим.

Новое название «*Національний дослідницький університет імені В. Л. Кирпичова (ХПИ)*» только в первые пару лет потребует ссылок на старое название, но уже через несколько лет оно получит самостоятельную известность, а в скоро само начнет работать на престиж ВУЗа. В этом смысле положительную роль переходного бренда сыграло действующее название НТУ «ХПИ».

Естественно дело не только и не столько в названии, сколько в сопровождающих его реальных переменах, без которых ребрендинг теряет всякий смысл. Сопровождающее реальные перемены предлагаемое переименование может решить все основные задачи ребрендинга. Прежде всего, это *усиление бренда* вследствие ссылки на исследовательский характер ВУЗа (естественно подкрепляемое реальными изменениями) и заботу о поддержании на его исторической преемственности. Во-вторых, это *увеличение целевой аудитории* в виде студентов, обучающихся не по инженерным специальностям, для которых ссылка на технический характер ВУЗа может служить сдерживающим фактором.

Важность такого *репозиционирования* трудно переоценить в свете той популярности, которую продолжают сохранять экономические и гуманитарные специальности. Кроме того, репозиционирование важно и с административной точки зрения, чтобы преодолеть представления министерства о ХПИ, как о чисто техническом ВУЗе с соответствующими последствиями в виде формирования госзаказа. Наконец, за счет присвоения имени основателя – *В. Л. Кирпичова*, однозначно произойдет *усиление уникальности* бренда, за счет его дифференциации от схожих названий типа НТУУ КПИ. Таким образом, ребрендинг может стать важной составляющей комплекса мер по совершенствованию имиджа университета, которые создадут необходимые условия для вступления в ассоциацию старейших университетов Украины в качестве полноправного члена или даже одного из ее учредителей.

*Беспалов С. В.
г. Москва, Россия*

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Беспримерная кризисная ситуация, в которой оказались все страны постсоветского пространства, включая Россию, начиная со второй половины 2008 г., разумеется, во многих отношениях усложнила планирование и осуществление российской политики по отношению к странам ближнего зарубежья. Однако, как нам представляется, глобальный кризис и уже проявившиеся (в разной степени) его последствия открывают и

новые возможности политики России на пространстве СНГ вследствие целого ряда обстоятельств. Отметим лишь некоторые:

1) дискредитация неолиберальной модели экономического развития, казавшейся до недавнего времени политическими – особенно – интеллектуальным элитам новых независимых государств наиболее привлекательной;

2) наметившийся кризис западно-центричной модели глобализации;

3) сокращение финансирования (как внешнего, так и внутреннего) националистических сил в странах СНГ;

4) дискредитация в глазах населения националистических элит и движений, суливших своим гражданам скорое процветание в случае выбора модели развития, предполагавшей максимальное отчуждение от России; кризис доверия к националистическим режимам и начало переосмысления гражданами итогов их политики;

5) снижение активности западных и прозападных сетевых структур, действующих в новых независимых государствах;

6) как следствие в ряде стран ближнего зарубежья налицо рост влияния политических сил и движений, ориентированных на сближение с Российской Федерацией.

Наряду с этим, в условиях резкого сокращения притока западных капиталов в экономики новых независимых государств и «преддефолтного» состояния, в котором оказались некоторые правительства, возможности России как потенциального кредитора этих стран, способного увязывать предоставление финансовых ресурсов с корректировкой как внешней, так и внутренней политики постсоветских режимов, возрастают многократно. Разумеется, финансовые резервы самой России отнюдь небезграничны, и в ближайшие месяцы, а, возможно, и годы будет происходить их дальнейшее сокращение. Однако средства, способные оказать существенное или даже определяющее влияние на экономическую ситуацию в ряде стран ближнего зарубежья, настолько мизерны сравнительно с масштабами уже осуществлённых (заметим – далеко не всегда с должным эффектом) и планируемых вливаний в российскую экономику, что представившейся уникальной возможностью кардинально усилить влияние России на соседние страны воспользоваться необходимо.

В 2009 складывалось впечатление, что Россия (в отличие от Китая и некоторых других стран) восприняла кризис исключительно как угрозу, но не как открывающийся перед ней спектр новых возможностей. Однако в условиях затягивания кризиса и определённой адаптации (пусть и не слишком быстрой) российской элиты к новой ситуации, с одной стороны, и в результате произошедших на Украине после избрания нового Президента изменений, с другой стороны, весной 2010 г. политика России на постсоветском пространстве заметно активизировалась. Важнейшим результатом стал пакет заключённых в Харькове российско-украинских соглашений (которые, впрочем, вопреки ожиданиям российских властей, не получили должного развития; как следствие – новый раунд обострения отношений Украины и России в 2011 г.). Однако экономические и традиционные геополитические инструменты влияния могут и должны быть подкреплены активными действиями на других направлениях.

После событий 2008 г., когда «нижняя точка» в отношениях России с Западом была очевидным образом пройдена и стороны перестали испытывать друг друга «на прочность», а в ещё большей степени – после избрания В. Януковича Президентом Украины, острота противостояния существенно снизилась, однако говорить о принципиальном изменении характера межгосударственных отношений на постсоветском пространстве пока преждевременно. Несмотря на отмеченное выше появление у России определённого «окна возможностей» в проведении более активной политики на пост-

советском пространстве, нам представляется, что встречающиеся в последнее время утверждения о том, что Запад надолго утратил интерес к государствам, возникшим на территории бывшего СССР, являются явным преувеличением. Действительно, внимание американской дипломатии сконцентрировано сейчас прежде всего на ближневосточных событиях, а Евросоюз всерьёз и надолго увяз в своих внутренних проблемах. Однако рассчитывать на то, что США вовсе выпустят из поля зрения события на постсоветском пространстве и не сделают всё возможное, чтобы закрепить достигнутые в минувшие 20 лет успехи, не приходится, памятуя о «тотальном» характере американской внешней политики (как с точки зрения арсенала используемых инструментов, так и в плане географического охвата). Что же касается Европейского Союза, то для его руководящих органов в нынешней ситуации особенно важно продемонстрировать единство действий ЕС хоть на каких-то направлениях; политика в отношении России, судя по всему, представляется евробюрократии одним из эффективных способов обеспечения такой консолидации. Не будем также забывать об озабоченности руководства ЕС диверсификацией источников энергоснабжения Европы, что, с точки зрения Европейской комиссии, подразумевает противодействие интеграционным процессам на пространстве бывшего СССР.

В сложившейся ситуации возможности России оказывать влияние на страны ближнего зарубежья, а также перспективы политической, военной и экономической интеграции на постсоветском пространстве с участием России будут определяться не только традиционными геополитическими факторами, не только способностью России и в дальнейшем поддерживать более или менее дружественные себе режимы в отдельных странах СНГ, не только результатом усилий РФ, направленных на урегулирование ряда региональных конфликтов, но и – не в последнюю очередь – отношением к России и её политике граждан стран СНГ. В свою очередь, проведение политики, направленной на формирование позитивного образа нашей страны у граждан стран ближнего зарубежья, должно стать одной из важнейших составляющих внешнеполитического курса РФ по отношению к этим странам. Ведь, несмотря на то, что геополитическая конкуренция не носит, в отличие от периода холодной войны, характера идеологического противостояния двух систем, внешнеполитическая пропаганда и публичная дипломатия играют и сегодня далеко не последнюю роль.

Итак, опыт минувшего десятилетия свидетельствует о том, что России необходимо активнее использовать гуманитарные технологии воздействия на процессы, политику, общественное мнение стран ближнего зарубежья, используя разнообразные инструменты, эффективность которых доказана событиями последнего времени (поддержка дружественных СМИ, предоставление грантов некоммерческим организациям, возможность бесплатного обучения и переподготовки в России граждан стран СНГ и т.д.). Это является и необходимым условием выполнения важнейшей задачи – формирования позитивного образа России в странах ближнего зарубежья.

В теории и практике международных отношений вопросы субъективного восприятия стран давно уже перестали считаться второстепенными [3]. Необходимость использования этого ресурса в последние годы осознана и российской элитой. Однако, если формированию позитивного образа России в странах Европы и США уделяется в последние годы значительное внимание, то улучшение имиджа страны в общественном мнении государств ближнего зарубежья пока не осознано и не артикулировано российской элитой в качестве приоритетной задачи, несмотря на то, что именно в отношениях с новыми независимыми государствами «отдача» от такой политики может быть максимальной при относительно небольших затратах.

Особенности информационного противоборства в современном мире обуславливают необходимость решения ряда задач в целях проведения эффективной политики на постсоветском пространстве, направленной на улучшение имиджа России.

Прежде всего, России в своей внешнеполитической практике следует учитывать новые возможности, предоставляемые системами электронной коммуникации и сетевыми технологиями. Значимость этих факторов демонстрируют, в частности, феномены «цветных» революций, не последнюю роль в организации которых сыграли новые сетевые технологии.

Контроль российского государства над каналами коммуникаций, включая международные, должен соответствовать стандартам постиндустриального общества. России следует предпринять все возможные усилия для создания авторитетных в мире и – особенно – в постсоветском регионе источниками информации: телеканалами (сопоставимыми с «Аль-Джазирой», которой удалось буквально за несколько лет приобрести колоссальное влияние) и авторитетными Интернет-изданиями. Необходимо предоставление всем желающим максимально широкой информации обо всех аспектах внешней политики России в исчерпывающем объеме, – лишь в этих условиях возможно эффективное использование инструментов информационной политики.

Борьба между глобализацией и ее альтернативами в различных формах разворачивается и на постсоветском пространстве. При этом идеология глобализма выступает, прежде всего, в форме ориентации постсоветских элит на евроатлантическое пространство. В этом плане она противоречит интересам России. В противостоянии с носителями глобалистской идеологии эффективным будет подчеркивание внутренних противоречий в содержании этой идеологии и методах ее реализации. В то же время следует помнить о том, что и ускоренное построение элитами постсоветских государств новых национальных идентичностей (по понятным причинам формирующихся, главным образом, явно на антироссийской основе) не отвечает российским национальным интересам [1, С. 32–40].

Если формированию позитивного образа России в странах Европы и США уделяется в последние годы значительное внимание, то улучшение имиджа страны в общественном мнении государств ближнего зарубежья пока не осознано и не артикулировано российской элитой в качестве приоритетной задачи, несмотря на то, что именно в отношениях с новыми независимыми государствами «отдача» от такой политики может быть максимальной при относительно небольших затратах.

Обеспечение экономической интеграции справедливо провозглашается российской элитой в качестве приоритетной задачи российской политики на постсоветском пространстве. При этом следует отметить, что всевозможные проекты экономической интеграции стран постсоветского пространства без участия России являются достаточно искусственными, и потому их жизнеспособность весьма сомнительна; издержки от их реализации объективно могут оказаться большими, чем выгоды от сотрудничества. Как отмечает П. Бурмистров, «у бывших советских республик настолько разные экономические интересы, что если согласовать их на двустороннем уровне еще как-то можно, то даже четыре стороны уже образуют слишком неповоротливую и негибкую структуру. Подписание любого практического соглашения в торгово-экономической сфере наталкивается на слишком большое количество поправок и оговорок каждой из сторон. Это приводит к выхолащиванию эффективности соглашения, поскольку исключений становится едва ли не больше, чем правил». Это связано с крайне низкой конкурентоспособностью большинства отраслей экономик постсоветских государств, которые не могут эффективно функционировать в отсутствии таможенной защиты, что предопределяет достаточно высокий уровень государственного протекционизма; имен-

но он во многом препятствует реальной экономической интеграции. К тому же большинство стран СНГ имеют одну или несколько системообразующих отраслей, которые они стремятся защитить от международной конкуренции мерами тарифного или нетарифного ограничения во избежание серьезного ущерба для национальной экономики. «Посему эти страны не готовы отказываться от существующих ограничений, согласование, снижение и, в конечном итоге, снятие которых и является основной целью региональных интеграционных группировок» [2, С. 41–42]; в полной мере это было характерно, например, для блока ГУАМ. А без налаживания эффективного экономического взаимодействия подобные группировки обречены оставаться неустойчивыми и, в известной мере, искусственными образованиями, не имеющими шансов трансформироваться в сколь-нибудь успешные интеграционные структуры.

Однако ситуация становится принципиально иной, когда речь идет об экономических интеграционных проектах с участием России. Принимая во внимание масштаб российской экономики, а также то очевидное обстоятельство, что именно РФ являлась сердцевинной единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, присовокупив сохраняющийся, несмотря на увеличение за последние полтора десятилетия сырьевой составляющей экономики России, серьезный научно-технический потенциал и неплохие перспективы развития целого ряда несырьевых отраслей, очевидный прогресс российской банковской системы, углубление многостороннего экономического сотрудничества при участии России объективно способно оказаться взаимовыгодным. Позиции России усиливает также и то, что именно ее автомобильные и железные дороги, а также система трубопроводов являются основой единой транспортной системы, созданной в советский период. Поэтому стремление РФ стать локомотивом процесса экономической интеграции вполне закономерно.

Определенные успехи в этом направлении в последние годы достигнуты, прежде всего, по линии ЕврАзЭС, Таможенного союза; наиболее же значимыми событиями стали подписание 9 декабря 2010 года Россией, Казахстаном и Белоруссией 17 документов по созданию Единого экономического пространства, а также достигнутые в октябре 2011 г. соглашения о создании Зоны свободной торговли, объединяющей большинство государств СНГ, и, наконец, сделанные в ноябре 2011 г. первые шаги в направлении создания Евразийского союза России, Белоруссии и Казахстана. Прогрессируют по некоторым направлениям экономические отношения России и с иными странами ближнего зарубежья, включая Украину. В любом случае в процессе возможной интеграции (и/или реинтеграции) естественные преимущества России не реализуются сами по себе. Отметим, что, наряду с продуманным внешнеэкономическим курсом, важную роль в современном экономическом взаимодействии опять же играет репутация страны, которая в известной степени влияет и на то, насколько охотно власти стран ближнего зарубежья допускают российские компании на свои рынки; на то, будут ли для российского бизнеса создаваться некие (пусть и неформализованные) преференции, будут ли обеспечены как минимум равноправные с западными компаниями условия, или же российский бизнес будет подвергаться более или менее очевидной дискриминации, как это происходило на протяжении ряда лет в странах Центрально-Восточной Европы, Казахстане, Азербайджане и т.д.

Для продвижения интересов РФ на постсоветском пространстве и, в то же время, для обеспечения благоприятных условий проникновения российского бизнеса на рынки стран СНГ необходимо, чтобы крупнейшие российские компании теснейшим образом координировали свои действия с государством (в т.ч. и с внешнеполитическим ведомством и подразделениями Администрации Президента, ответственными за политику на

постсоветском пространстве), не допуская проведения крупными российскими корпорациями собственной «внешней политики», идущей вразрез с государственными интересами. Государство, в свою очередь, должно обеспечивать должную поддержку деятельности российских государственных корпораций и крупных частных компаний, включающую как административное, так и имиджевое содействие; при этом в большинстве случаев *пресекать публичную демонстрацию силы бизнес-структурами* и, в целом, препятствовать формированию представления о России как стране, чья политика, в особенности экономическая, на постсоветском пространстве носит сугубо эгоистический характер, поскольку это крайне негативно воспринимается общественным мнением стран ближнего (и не только ближнего) зарубежья.

Список литературы: 1. Беспалов С. В., Власов А. В. и др. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007. 2. Бурмистров П.. Постсоветский фантом. Стоит ли России опасаться ГУАМ // Политический журнал. 2006. № 2 (97). 3. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев, В. Н. Меркушев // Полис. 2008. № 2.

*Бобр А. М., Новиков В. Т.
г. Минск, Республика Беларусь*

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Восточнославянский мир – особая цивилизация, существование которой в мировой истории неоднократно ставилось под сомнение и которой в современном общественном процессе, осуществляющемся по сценарию глобализма, отводится место периферии. Осознание этого факта порождает у восточнославянских народов потребность в изменении стратегии глобализации, которая учитывала бы традиционные для них ценности и идеалы.

Данное обстоятельство актуализирует такую проблему социальной философии как проблема сохранения культурной и религиозно-конфессиональной идентичности. Для ее адекватной интерпретации необходимо рассмотреть историю становления цивилизационных общностей. В Новое время человек западноевропейской цивилизации идентифицировал себя в качестве, прежде всего, представителя белой расы, определенного этноса, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание цивилизационных общностей с характерными для них образом жизни и культурой происходило двумя основными путями.

Первая модель – «плавильного тигля», характерна для стран, в возникновении и развитии которых, решающее значение имела массовая эмиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», приведшей к образованию новых политических наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Их возникновение могло включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения (например, американских индейцев и австралийских аборигенов), но, в целом, происходило мирным и эволюционным путем. В итоге эти новообразования, не отменяя этническое многообразие этих обществ, способствовали их объединению в рамках «политической нации».